

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.8>

Суворов Валерий Владимирович

[Э. Э. УХТОМСКИЙ И С. Н. СЫРОМЯТНИКОВ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАССУЖДЕНИЙ О "ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ"](#)

Выразители "восточнических" идей, Э. Э. Ухтомский и С. Н. Сыромятников, участвуя в обсуждении восточной политики России, не придавали особого значения идеям о "желтой опасности", периодически подвергая их критике на страницах печати. Соответственно, понимание ими исторических задач России на Востоке не подвергалось значительной корректировке в зависимости от осложнений положения на Дальнем Востоке и роста популярности самих идей о "желтой опасности". Показательно, что даже во время Русско-японской войны они не отказывались от своих взглядов на проблему "желтой опасности".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/8.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 38-41. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 929

Дата поступления рукописи: 29.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.8>

Выразители «восточнических» идей, Э. Э. Ухтомский и С. Н. Сыромятников, участвуя в обсуждении восточной политики России, не придавали особого значения идеям о «желтой опасности», периодически подвергая их критике на страницах печати. Соответственно, понимание ими исторических задач России на Востоке не подвергалось значительной корректировке в зависимости от осложнений положения на Дальнем Востоке и роста популярности самих идей о «желтой опасности». Показательно, что даже во время Русско-японской войны они не отказывались от своих взглядов на проблему «желтой опасности».

Ключевые слова и фразы: Э. Э. Ухтомский; С. Н. Сыромятников; «восточничество»; «желтая опасность»; панмонголизм; культурно-исторические задачи России на Востоке; Китай; Япония.

Суворов Валерий Владимирович, к.и.н.

*Саратовский государственный университет имени В. И. Разумовского
valeriy_s@inbox.ru*

Э. Э. УХТОМСКИЙ И С. Н. СЫРОМЯТНИКОВ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАССУЖДЕНИЙ О «ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ»

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (конкурс – МК-2017) № МК-2889.2017.6.

Рубеж XIX–XX вв. стал временем активизации дальневосточной политики Российской империи. В этот период в формировании образа Дальнего Востока можно выделить две противоположные тенденции. С одной стороны, происходило моделирование образа «врага», «чужого», с другой – складывались представления о «близком», «дружественном» и даже «родном» Востоке. Логическими завершениями этих направлений стали две противоположные концепции, определявшие задачи России на Дальнем Востоке, – представления о панмонголизме или «желтой опасности», выразившиеся в боязни повторения нашествия народов «желтой расы» на Россию и Европу, и идеи «восточничества», идеологи которого видели культурно-историческое единство России и восточных государств. Российская публицистика активно обсуждала эти вопросы, и, естественно, выразители «восточнических» идей, Э. Э. Ухтомский и С. Н. Сыромятников, так или иначе высказывали свое мнение по этому вопросу.

Образ дальневосточных государств как «чужих» и враждебных России исследовался во многих работах, в том числе посвященных вопросам «желтой опасности» [1; 2; 4; 20]. Положительные взгляды на Восток в общественной и научной мысли второй половины XIX – начала XX века привлекают внимание исследователей в меньшей степени, хотя за последнее время появилось немало исследований, посвященных «восточничеству» [3; 5; 6; 10–12]. При этом отношение идеологов «восточничества» к проблеме «желтой опасности» не выступало самостоятельной проблемой для исследования.

Как правило, формирование в России идей о панмонголизме и «желтой опасности», зародившихся в Европе, связывают с взглядами В. С. Соловьева [1, с. 57–58], представленными в стихотворении «Панмонголизм» (1894) и «Краткой повести об Антихристе» (1900). В рассуждениях философа Япония выступала вдохновителем Азии на борьбу с европейцами. Сам термин «желтая опасность» стал употребляться в печати на рубеже XIX–XX вв. и был более многозначным, чем «панмонголизм». И хотя до Русско-японской войны идеи «желтой опасности» только набирали популярность, они представляли собой особое интеллектуальное течение.

Э. Э. Ухтомский был в дружеских отношениях с В. С. Соловьевым и при жизни философа не выступал в печати с критикой его идей, однако, по сути, отстаивал взгляды, противоположные идеям о панмонголизме и возможности наступления желтой расы на Россию и тем более на Европу. В описании путешествия на Восток наследника престола Николая Александровича он писал, что прямым путем для избытка жителей Небесной империи является Тихий океан «с заманчивыми частицами суши в его теплых пределах» [18, с. 17]. При этом князь подчеркивал, что в России наивно толковали о нашествии их на Сибирь, «куда отребье народа-земледельца, народа – по инстинкту южанина, направляла и направляет разве самая крайняя нужда» [Там же].

Тем не менее Ухтомский видел в Китае огромный потенциал, хотя и отмечал, что его с политической точки зрения справедливо считали страной неподвижной и неспособной на активное наступление даже в экономически важные ему районы. Он считал, что потенциально страна богдыхана представляла собой «нечто до того громадное и могущественное», что нельзя даже было предвидеть, во что она может развиваться через несколько десятков лет [Там же, с. 27]. Князь отмечал, что китайское население не менее даровито и не менее склонно к образованию, чем «ближайшие соседи-островитяне», которые сознательно решили поучиться у Запада [Там же].

Э. Э. Ухтомский понимал, что в результате внешнего воздействия или внутренних процессов, могущих вывести «Срединное царство» из «застоя», оно окажется втянутым в «стремительный водоворот» новой мировой жизни. Это должно было привести к тому, что «сильно обездоленный народ, справедливо гордящийся многочисленными благами своей стародавней культуры», сам будет стремиться к относительной власти, славе и богатству, успехам и значению «в сонме других наций» и преобладанию в тихоокеанском регионе [Там же]. При этом князь отмечал, что в XX веке для прокормления «многострадального рабочего люда» Китаю понадобятся в качестве

естественных колоний Аннам, Кохинхина и Камбоджа, Сиам и Бирма, обширные малайские страны, Формоза, Филиппинские острова, Борнео, Суматра и Ява [Там же]. Таким образом, Ухтомский снова подчеркивал, что интересы Китая не связаны с территорией России и более привлекательным для него был тихоокеанский регион.

Рассуждая о значении восстания ихэтуаней, Э. Э. Ухтомский писал, что Запад своими насилиями разбудил желтый Восток [16, с. 72]. При этом он высказывал серьезную обеспокоенность в связи с возможностью попадания Китая в колониальную зависимость от европейских стран и использования ими населения и ресурсов Китая в военных целях. Поэтому главную задачу на «желтом» Востоке он видел в ограждении России от случайностей такого рода, чтобы не пришлось проливать потом напрасно русскую кровь и не тратить огромные средства для борьбы с «надвинувшимися напастями», которые всегда следовало предвидеть и предотвращать [Там же, с. 48]. Ухтомский допускал, что Китай, как и Япония, мог встать на путь материальных реформ и технических усовершенствований, но в больших масштабах [Там же, с. 58]. В итоге восточный сосед России, хотя и имел «отвращение к войнам», мог начать бороться за преобладание в тихоокеанском регионе. Интересными и во многом пророческими являются взгляды Ухтомского о возможном влиянии Запада на Китай. Задаваясь вопросом, что оно может сулить китайцам и самой Небесной империи, князь приходит к неутешительному выводу: если Китай приобщится к европейскому материальному прогрессу, то он «нас тогда поборет этим же оружием, опередит и приведет к разорению...» [Там же, с. 71].

В работах, написанных в период восстания ихэтуаней, Ухтомский высказывал свои опасения по поводу сложившегося положения на Дальнем Востоке. В брошюре «К событиям в Китае» он без сомнений отмечал, что Азия находится накануне великих катастроф [Там же, с. III], а движение, которое началось в Китае, по его мнению, могло повести за собой мусульманский мир, «объединяющийся общей фанатической идеей», а после него и индийские народы [Там же]. В 1901 г. князь не отрицал разгоравшейся «расовой борьбы» Запада и Востока, которой главным образом «грозило ознаменоваться XX столетие» [15, с. 25]. Однако вероятность такого конфликта никак им не связывалась с возможностью представителей «желтой расы» начать масштабное движение и экспансию на Запад.

Отношение к Японии у него было более негативным. Характеризуя Японию и оценивая соотношение сил в 1897 году, Ухтомский считал, что Россия, добивающаяся выхода к Тихому океану, была слишком сильной и окрыленной «неизбежной верой в будущее», чтобы ей смогло противостоять «симпатичное нам – русским, мнимо-молодое царство», развитие которого было сковано «элементами дряхлой, почти доисторической культуры» [19, с. 17]. Уже тогда князь отчетливо понимал, что большие вложения и активизация внешней политики Японии были направлены против России, но никак не связывал это с признаками панмонголизма.

После начала войны России с Японией Э. Э. Ухтомский писал, что стихийное движение Российского государства в азиатские пределы вступило в новый этап, связанный с тем, что слишком быстрые его темпы привели к враждебным отношениям с Китаем и настроили Японию против России. Как итог, по образному выражению Ухтомского, «тайнственное» будущее вспыхивало «зловещим заревом» [17, с. 5].

Однако именно в брошюре, опубликованной после начала Русско-японской войны, т.е. через четыре года после смерти В. С. Соловьева, Ухтомский выступил с последовательной критикой идеи «желтой опасности». Князь отмечал, что печать усиленно комментировала пророчества Соловьева относительно панмонголизма и так называемой желтой опасности, но только С. Н. Сыромятников выступил с «решительной отповедью» подобных суждений. Ухтомский писал: «Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, и нет, и быть не может» [Там же, с. 6]. По его мнению, сформировавшиеся в монархиях Древнего мира и Средневековья идеи всемирной империи перешли к Российскому государству, которое восприняло их после продолжительной борьбы с татарским нашествием [Там же]. В результате уже допетровская Русь образовала обратное переселению восточных народов течение «западных элементов» вглубь Азии. Хотя в восточные страны русскими вносилась высшая христианская культура, терпимость к чужому мировоззрению, образованность и гуманность вместе с техническим прогрессом, по мнению Ухтомского, «эта русская эра так мало пока сделала для современной Азии, так неопределенна и несовершенна по горизонтам и делам своим» [Там же, с. 7].

Ухтомский не отказывался от своих взглядов и даже после начала военного столкновения с Японией писал, что он принадлежал к «убежденным сторонникам мирной, неспешной, культурной работы русских людей в границах родного нам азиатского материка», и не мог не переживать из-за ухудшения приятных отношений России к народам Востока, осложнения и без того «колоссальных задач» в Азии, несвоевременного приближения часа расплаты «за последние чересчур... смелые шаги по направлению к незамерзающему морю...» [Там же, с. 5]. Вплоть до поражения России в войне с Японией Ухтомский оставался верен своим взглядам на культурно-историческую близость России и государств Востока, а в качестве задач выдвигал расширение мирным путем влияния Российской империи в Азии, участие России в «пробуждении» Востока и установление покровительства над восточными странами и народами.

Несколько более переменчивыми были взгляды С. Н. Сыромятникова. Он вполне разделял взгляды Ухтомского и в 1894 году писал, что мысль об общности задач и идеалов России с задачами и идеалами азиатского Востока нашла свое выражение в «замечательной книге» князя Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Е. И. В. Наследника Цесаревича в 1890-1891 гг.» [7], а также отмечал, что это произведение содержало в себе много оригинальных мыслей, с которыми следовало считаться всем, кто интересовался развитием русского самосознания [Там же].

Однако в марте 1895 года, когда близилась к своему завершению Японо-китайская война, в статье с характерным названием “*Ex oriente nox!*” (тьма с Востока) он писал, что с Востока надвигается «что-то темное,

дикое, неизвестное, первые признаки грядущего “панмонголизма”», а Европа с интересом ждет развязки восточных событий и «вычисляет барыши, которые получит за примирение сторон и от ослабления России» [8]. Отмечая безразличие русских, Сыромятников сообщал: «Мы сохраняем свой, “полный гордого доверия, покой”, хотя дело идет о создании новой Германии на нашем Востоке» [Там же].

В этой же статье он проводил и другие аналогии, говоря, что жестоких, воинственных, «еще недавно феодальных» японцев называли «янками Востока», и предлагая называть их «римлянами Восточного океана». При этом он сообщал, что российские восточные пределы населены мирными переселенцами из России и мирными буддистами-инородцами, которые «уживались с соседними неподвижными китайцами» [Там же].

В связи с этим Сыромятников призывал русское общество, русских писателей и журналистов обратить внимание на то, что творилось на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом, «не только к борьбе за Приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развите, и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков» [9]. Позднее оценки Сыромятникова изменились, чему, видимо, способствовали его неоднократные поездки на Восток.

В 1904 году накануне Русско-японской войны Сыромятников выступал с решительной критикой идей панмонголизма [14]. В статье «Что такое панмонголизм?» он подчеркивал, что монгольское нашествие представляло собой нашествие кочевников, а современные ему китайцы и японцы – совсем не кочевники. Монголия со времен Чингисхана тоже изменилась, население было обращено в буддизм с многочисленным духовенством. А потому Сыромятников заключает: «Если нам нужно выдумать какое-нибудь пугало для домашнего употребления, отчего же не выдумать и панмонголизм» [Там же]. По его словам, для нашествия с Востока «нет более материала, нет более строя и быта», при котором возможны нашествия. И далее Сыромятников делал весьма интересный вывод: «Из всех народов Азии, кроме небольшого количества кочевников, по своему внутреннему строю ближе всего к кочевому быту и кочевому мировоззрению – мы, русские» [Там же]. Поэтому как раз «скрип телег и ржание коней и идет из России на Восток» [Там же]. Кроме этого, присоединение индусов, персиян и арабов к панмонгольскому союзу представлялось ему делом «совершенно невозможным», а опасаться можно было только панисламизма.

Таким образом, по мнению журналиста, «“желтая опасность”, сочиненная западным невежеством, существовала только в воображении», а в реальности существовала «белая опасность», которая могла привести к созданию оборонительных союзов на Востоке для борьбы с европейцами [Там же]. Ухтомский отмечал, что Сыромятников «вполне правильно и с полным знанием дела» разъяснил, почему такие взгляды не соответствуют действительности [17, с. 6].

Войну с Японией С. Н. Сыромятников встретил с оптимизмом, однако, отмечая важность происшедших событий, писал, что вопрос стоял уже «о нашем положении в Азии, о нашем звании великой державы, о всем нашем историческом наследстве, которое мы получили от отцов и дедов наших и которое обязаны защищать ценою жизни» [13].

Таким образом, идеологи «восточничества» не придавали особого значения идеям о «желтой опасности», периодически подвергая их критике на страницах печати. Исключением стали опасения панмонголизма в конце Японо-китайской войны у С. Н. Сыромятникова. Э. Э. Ухтомский даже в условиях осложнения отношений с Китаем продолжал видеть в нем главного союзника и опору для России на Дальнем Востоке. Понимание выразителями «восточнических» взглядов исторических задач России на Востоке не подвергалось значительной корректировке в зависимости от осложнений положения на Дальнем Востоке и роста популярности самих идей о «желтой опасности». Показательно, что даже во время Русско-японской войны они не отказывались от своих взглядов на проблему «желтой опасности», однако поражение в войне с Японией и отказ от активной политики на Дальнем Востоке показали несостоятельность самих «восточнических» идей.

Список источников

1. **Гузей Я. С.** «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... к.и.н. СПб., 2014. 248 с.
2. **Дятлов В.** Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 63-89.
3. **Жукова Л.** Кто такие русские «восточники»? // Самопознание. 2015. № 5. С. 32-44.
4. **Жукова Л. В.** Появление в России мифа о «желтой опасности» // Обозреватель. 2009. № 12. С. 120-127.
5. **Межуев Б. В.** Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Полис. 1999. № 1. С. 26-39.
6. **Репников А. В.** Ухтомский Э. Э. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 535-538.
7. **Сигма.** Восток или Запад // Новое время. СПб., 1894. № 6707. 30 октября.
8. **Сигма.** Ex oriente nox! // Новое время. СПб., 1895. № 6830. 5 марта.
9. **Сигма.** Ex oriente nox! // Новое время. СПб., 1895. № 6837. 12 (24) марта.
10. **Суворов В. В.** «Восточничество»: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Изд-во Саратовского ГМУ им. В. И. Разумовского, 2015. 107 с.
11. **Суворов В. В.** Культурно-исторические задачи России на Востоке во взглядах С. Н. Сыромятникова // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 259-262.
12. **Суворов В. В.** Место «восточничества» в российской общественной мысли // Власть. 2012. № 12. С. 78-80.
13. **Сыромятников С.** Война // Новое время. 1904. № 10026. 1 (14) февраля.

14. Сыромятников С. Что такое панмонголизм? // Новое время. 1904. № 10000. 6 (19) января.
15. Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1901. 31 с.
16. Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и Востока к России. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900. VIII+87 с.
17. Ухтомский Э. Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 27 с.
18. Ухтомский Э. Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891): в 3-х т. СПб. – Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1895. Т. II. Ч. 4. 247 с.
19. Ухтомский Э. Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891): в 3-х т. СПб. – Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1897. Т. III. Ч. 5. LXIX+160 с.
20. Филиппова Т. А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.

E. E. UKHTOMSKY'S AND S. N. SYROMYATNIKOV'S IDEAS ABOUT RUSSIAN HISTORICAL TASKS IN THE CONTEXT OF DISCUSSIONS ON "YELLOW PERIL"

Suvorov Valerii Vladimirovich, Ph. D. in History
V. I. Razumovsky Saratov State Medical University
valeriy_s@inbox.ru

The exponents of "easternism" ideas E. E. Ukhtomsky and S. N. Syromyatnikov, in the discussion of Russia's eastern policy, did not attach much importance to the ideas of "Yellow Peril" and periodically exposed them to criticism in newspapers. Accordingly, their understanding of Russian historical tasks in the East was not subject to significant review depending on the complications of the situation in the Far East and the popularity of the ideas about "Yellow Peril". It is significant that even during the Russo-Japanese War they did not discard their views on the "Yellow Peril" problem.

Key words and phrases: E. E. Ukhtomsky; S. N. Syromyatnikov; "easternism"; "Yellow Peril"; pan-Mongolism; cultural and historical tasks of Russia in the East; China; Japan.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 07.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.9>

В статье уделяется внимание проблемам трансформации взаимоотношений государственной власти и Русской православной церкви в период царствования Алексея Михайловича. Указывается на систематические попытки вмешательства государства во внутрицерковные вопросы. Основная часть статьи посвящена рассмотрению причин, хода и последствий Соловецкого восстания, неоднородности его движущих сил и разнобразия побуждений, вызвавших сопротивление обители вооруженным силам страны. Особенный интерес представляет анализ синтеза религиозных и народно-освободительных мотивов в деле якобы только идейного противостояния по вопросу принятия нового обряда в одной из старейших обителей России.

Ключевые слова и фразы: Соловецкое восстание; Соловецкий монастырь; церковный раскол; патриарх Никон; патриарх Иоаким; Русская православная церковь; старообрядчество; сектантство.

Черных Владимир Дмитриевич, к.и.н.

Быковская Галина Алексеевна, д.и.н.

Черенков Роман Владимирович, к.и.н.

Воронежский государственный университет инженерных технологий

Cher_Vladd@rambler.ru; istoria_vrn@mail.ru; Marselles2006@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ХОД СОЛОВЕЦКОГО ВОССТАНИЯ

XVII век явился в истории России тем водоразделом, который определил вектор последующего движения духовной жизни всего общества на последующие поколения. Недаром некоторые историки видят в причинах трагедии Русской революции 1917 года события второй половины XVII в., когда церковная жизнь общества была подчинена политическим интересам и государственным задачам развития страны.

С XVII века в России повсеместным было усиление государственного влияния на все стороны общественной и религиозной жизни. По мнению современного исследователя проблем взаимоотношений Русской православной церкви и государственной власти в России во II половине XVII века, в указанный период Московская Русь видоизменяла принципы и механизмы своего государственно-политического устройства и проникала в церковное управление, вмешиваясь во многие внутренние духовные проблемы и вопросы [14, с. 184]. Государство делало весьма удачные попытки поставить под свой исключительный контроль сферу церковной власти. Ярким примером этого явилась вся деятельность царя Алексея Михайловича в отношении патриарха Никона – как его подъема, так и впоследствии падения и гибели. Однако реформа, проведенная патриархом, принесла свои плоды – постепенно Русская церковь принимала новый обряд [12, с. 202]. Повсеместно болезненно проходил этот процесс, известны многочисленные примеры смертей духовенства и мирян, не желавших изменять вере отцов и дедов, не понимавших необходимости изменений богослужебных текстов и действий.